

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Фан Сяожань

Феномен карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель – **Воропаев Владимир Алексеевич,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты – **Виноградов Игорь Алексеевич,**
доктор филологических наук,
Институт мировой литературы имени А.М.
Горького РАН, научно-исследовательский
центр «Русская литература и христианская
традиция», главный научный сотрудник

Гольденберг Аркадий Хаимович,
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
институт русского языка и словесности,
кафедра литературы и методики ее
преподавания, профессор

Сартаков Егор Владимирович,
кандидат филологических наук,
Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова, факультет
журналистики, кафедра истории русской
литературы и журналистики, доцент

Защита диссертации состоится «05» марта 2026 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В.Ломоносова, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, а. 11, филологический факультет.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3766>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предлагаемая работа посвящена исследованию феномена карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя. Термин карнавализация был введен в литературоведение М.М. Бахтиным для описания воздействия античных и средневековых народных празднеств и обрядовых действий, известных как «карнавал», на образно-символическое мышление и творческую память человека. Концепция карнавала основана М.М. Бахтиным на анализе произведений Ф. Рабле и Ф.М. Достоевского, а также на изучении древнегреческих и римских карнавалов. По мнению ученого, карнавализация литературы – это «транспонировка карнавала на язык литературы»¹, или перевод обрядово-символического языка «карнавальной жизни» и «карнавального мироощущения»² на язык словесно-художественных образов. Феномен карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя представляет собой сложное и противоречивое явление. В настоящем исследовании выдвигается гипотеза о том, что карнавальное начало у Гоголя не является статичным присутствием бахтинских карнавальных структур, а претерпевает динамическую трансформацию: от относительно органического воплощения народно-смеховой культуры в ранних произведениях через кризис карнавального мироощущения к созданию принципиально новой художественной модели в позднем творчестве. Таким образом, феномен карнавализации у Гоголя понимается нами как процесс переосмысления карнавальной традиции, а не как прямое воплощение бахтинской концепции народной смеховой культуры.

Актуальность диссертации обусловлена тем, что вопрос о феномене карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя остается дискуссионным, несмотря на значительное количество исследований. Одни работы сосредоточены на изучении фольклорных мотивов, обрядов и народно-театральных элементов, другие анализируют отдельные произведения через призму концепции М.М. Бахтина. Однако недостаточно исследованным на сегодняшний день остается функционирование карнавального начала как целостной динамической системы. В существующих работах не раскрывается логика его трансформации от раннего творчества к позднему.

Цель данной работы – выявить специфику феномена карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя. В соответствии с заданной целью выдвигаются следующие **задачи**:

1. Установить основные этапы изучения карнавализации в произведениях Гоголя в отечественном и зарубежном литературоведении, определить эволюцию научных подходов от классических трудов М.М. Бахтина до современных исследований, а также выявить основные теоретические

¹ Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х гг. М.: Русские словари языки славянской культуры. 2002. С. 138.

² Махлин В.Л. Карнавализация // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 339–340.

проблемы и противоречия при применении концепции карнавала к творчеству писателя.

2. Определить ключевые художественные особенности проявления карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя, выявить основные механизмы трансформации карнавального начала в индивидуально-авторской поэтике писателя.

3. Раскрыть закономерности эволюции художественной специфики функционирования карнавального начала в произведениях Н.В. Гоголя разных периодов творчества.

Объектом исследования является творческое наследие Н.В. Гоголя, отразившее формирование и развитие карнавального начала. **Предметом** — феномен карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя: механизмы трансформации карнавальных элементов и структур, специфика их функционирования на разных этапах творческой эволюции писателя.

Материалом диссертации послужили Полное собрание сочинений и писем Н.В. Гоголя в 17-ти томах, труды М.М. Бахтина, в частности работа «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», а также исследования, посвященные развитию и критическому осмыслению бахтинской концепции карнавала в отечественном и зарубежном литературоведении.

Степень научной разработанности темы. Феномену карнавализации в русской литературе³ как таковому посвящено значительное количество работ. Исследование феномена карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя является одной из значимых тем в современном литературоведении. Для понимания данной проблемы следует учитывать в первую очередь работы М.М. Бахтина, особенно его концепцию народной смеховой культуры и карнавальной традиции, изложенную в трудах «Рабле и Гоголь» и «К вопросам об исторической традиции и о народных источниках гоголевского смеха». В.В. Кожин⁴ в 1968 году впервые ввел идеи Бахтина о Гоголе в научный оборот, что ознаменовало новую главу в развитии темы «Гоголь и Рабле». Ю.В. Манн⁵ в своих работах подчеркивает необходимость изучения карнавального начала в творчестве Гоголя. Однако, несмотря на основополагающее значение бахтинской теории, вопрос о степени влияния карнавальной традиции на Гоголя остается дискуссионным. В научной литературе сложились три основных направления в понимании данной проблемы.

³ Подробнее об истории изучения концепции карнавала М.М. Бахтина в частности см.: Глава 1, параграф. 1.2.

⁴ Кожин В.В. К методологии истории русской литературы (О реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. М., 1968. № 5. С. 60–82.

⁵ Манн Ю.В. Гоголь и карнавальное начало // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 9–38; Манн Ю.В. Карнавал и его окрестности // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 442–467.

Первое направление объединяет ученых, которые, исходя из элементов народной культуры, изучают карнавальную традицию в произведениях Гоголя. Это направление можно разделить на два течения: фольклорное и народно-театральное. М.Я. Вайскопф⁶, В.И. Еремина⁷ подчеркивают связь творчества Гоголя с народными праздниками, обычаями и преданиями. В.А. Воропаев⁸, Е.А. Смирнова⁹, Е.А. Минюхина¹⁰ изучают проявления фольклорных явлений в поздних произведениях Гоголя. А.Х. Гольденберг¹¹ в монографии «Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя» обстоятельно доказывает карнавальную природу многочисленных сцен народных праздников в произведениях писателя, впервые предлагая системное исследование архетипической структуры гоголевского творчества. Помимо анализа влияния народной обрядовой культуры, автор рассматривает функции фольклорных архетипов в позднем творчестве Гоголя, предлагает новую трактовку библейских и средневековых архетипов в гоголевских текстах, исследует взаимодействие словесного и живописного начал в экфрасисах. Другие ученые, такие, как С.О. Шведова¹², А.В. Скрипник¹³ и С.В. Синицкая¹⁴, отмечают влияние народных театральных представлений на творчество Гоголя. И.А. Виноградов, Е.Г. Падерина¹⁵, Р.Х. Якубова¹⁶ рассматривают влияние балаганных представлений на создание произведений Гоголя.

Второе направление, опирающееся на идеи Бахтина, представлено учеными, которые анализируют фундаментальные принципы карнавала в произведениях Гоголя через призму бахтинского учения. Среди сторонников

⁶ Вайскопф М.Я. Сюжет гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: Российской государственной гуманитарной университет, 2002. 686 с.

⁷ Еремина В.И. Н.В. Гоголь // Русская литература и фольклор (первая половина XIX века). Л., 1976. С. 273–291.

⁸ Воропаев В.А. Гоголевская «Повесть о капитане Копейкине»: фольклорные источники и смысл // Гоголь и народная культура. Седьмые Гоголевские чтения: Материалы доклады и сообщения. Международная конференция / под общ. Ред. В.П. Викуловой. М.: ЧеРо, 2008. С. 51–61; Воропаев В.А. Заметки о фольклорном источнике гоголевской «Повести о капитане Копейкине» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1982. № 6. С. 35–41.

⁹ Смирнова Е.А. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души». Л. Наука, 1987. 200 с.

¹⁰ Минюхина Е.А. Фольклорная образность в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: диссертация ... кандидата филологических наук. Вологда, 2006. 198 с.

¹¹ Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. М.: ФЛИНТА, 2021. 232 с.

¹² Шведова С.О. Театральная поэтика барокко в художественном пространстве «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Гоголевский сборник. СПб., 1993. С. 41–54.

¹³ Скрипник А.В. Феномен куклы и кукольного театра в повести «Невский проспект» Н.В. Гоголя // Вестник Томского гос. ун-та. Томск, 2013. № 376. С. 32–36.

¹⁴ Синицкая С.В. Тригей, Арлекин, Бонардин, Поприщин, или Театральный комментарий к «Запискам сумасшедшего» // Театрон. СПб., 2010. № 1(5). С. 70–81.

¹⁵ Падерина Е.Г. О банальном и оригинальном в «Игроках» Гоголя // Вопросы театра. М. 2009. № 1–2. С. 252–264.

¹⁶ Якубова Р.Х. Традиции балаганного искусства в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Фольклор народов России: Миф. Фольклор. Литература: межвузовский научный сб. Том Выпуск 24. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2001. С. 260–270.

этого подхода следует отметить труды Т.К. Черной¹⁷, С.З. Иткулова¹⁸, И.Д. Таумова¹⁹, Ю.В. Кондаковой²⁰, которые непосредственно применяют бахтинскую теорию карнавала к интерпретации конкретных произведений Гоголя. Особое внимание уделяется гротескной телесности, которая детально анализируется в работах Д.А. Теслюка²¹, И.А. Завьяловой²², И.Л. Золотарева²³ и А.М. Лобина²⁴. Следует отметить, что в своей докторской диссертации С.А. Дубровская²⁵ проводит системное исследование смехового слова в произведениях Гоголя, а также анализирует его переписку.

Однако существует и критическое направление, представители которого сомневаются в возможности полного включения произведений Гоголя в карнавальную традицию. Ю.М. Лотман²⁶, В.Н. Турбин²⁷, И.И. Гарин²⁸ предлагают альтернативные интерпретации творчества Гоголя, указывая на другие культурные и философские источники гоголевского смеха. Ю.В. Манн, признавая наличие карнавальных элементов в творчестве Н.В. Гоголя, указал на явление отступления от карнавала²⁹. Е.А. Радь³⁰ обнаруживает черты

¹⁷ Черная Т.К. Карнавализация в системе художественной индивидуальности Гоголя (повести) // Русская литература XIX века (Ч. 1). Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе / Министерство образования и науки Российской Федерации, Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2004. С. 460–475.

¹⁸ Иткулов С.З. Трансформация карнавального мироощущения в поэтике нонсенса Нового времени (на примере повестей Н.В. Гоголя) // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи. Иваново, 2005. С. 67–74.

¹⁹ Таумов И.Д. Элементы карнавализации в комедиях Гоголя // Парадигмы: сб. статей молодых филологов. Тверь, 2003. С. 154–159.

²⁰ Кондакова Ю.В. Гоголь и Булгаков: поэтика и онтология имени [Электронный ресурс]. URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/gogol-i-bulgakov-poetika-i-ontologiya-imeni/p8>. (дата обращения: 05.01.2025).

²¹ Теслюк Д.А. Уничтожение тела и реконструкция телесности в «петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Молодежные Чеховские чтения в Таганроге: Материалы XV международной научной конференции (Таганрог, 27–28 апреля 2023 г.) / Ростовский гос. экономический ун-т (РИНХ); отв. ред. Т.М. Субботина, О.А. Яковлева. Ростов-на-Дону, 2023. С. 271–275.

²² Завьялова И.А. «Петербургские повести» Н.В. Гоголя: гротеск в изображении «Странного города» // Известия Самарского научного центра РАН. Самара. 2012. № 2(3). С. 727–731.

²³ Золотарев И.Л. Гротескный реализм в «Ревизоре» Н.В. Гоголя // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов-на-Дону, 2016. № 1. С. 43–50.

²⁴ Лобин А.М., Шейко В.А. Поэтика гротеска в «петербургской повести» «Нос» Н.В. Гоголя // Поволжский педагогический поиск. Ульяновск, 2022. № 4(42). С. 86–92.

²⁵ Дубровская С.А. Смеховое слово в русском литературном сознании 1810-х – начала 1840-х гг.: проблемы теории, истории, поэтики: дисс ... д-ра филол. наук. Саранск, 2018. 420 с.

²⁶ Лотман Ю.М. Гоголь и соотнесение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. С. 131–133.

²⁷ Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М.: Просвещение, 1978. 241 с.

²⁸ Гарин И.И. Загадочный Гоголь. М.: Терра, книжный клуб, 2002. 640 с.

²⁹ Манн Ю.В. Гоголь и карнавальное начало // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 9–38.

«антикарнавала» в произведениях Гоголя, О.П. Стасенко³¹ полагает, что карнавальные элементы в произведениях Гоголя отклонились от традиционной карнавальной культуры.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые доказано, что феномен карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя является динамическим процессом. В отличие от существующих работ, которые либо констатируют присутствие карнавальных элементов у Гоголя, либо указывают на расхождение его творчества с бахтинской концепцией, в данном исследовании выявлены механизмы и художественные функции трансформации карнавальных структур на разных этапах творческой эволюции писателя.

Рамки исследования. Хронологически исследование охватывает основной период творческой деятельности Н.В. Гоголя (с начала 1830-х до конца 1840-х годов). Основное внимание уделяется произведениям, наиболее ярко демонстрирующим трансформацию карнавального начала: в раннем творчестве – циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»; в позднем творчестве – петербургские повести, комедии «Ревизор» и «Женитьба», поэма «Мертвые души» и книга «Выбранные места из переписки с друзьями».

Методологическую и теоретическую основу исследования составили, прежде всего, фундаментальные труды М.М. Бахтина по теории карнавала, которые заложили методологическую основу для изучения феномена карнавализации в литературе. В числе важных ориентиров изучения карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя можно отметить исследования Ю.В. Манна, А.Х. Гольденберга, М.Я. Вайскопфа, С.А. Дубровской, Т.К. Черной, а также работы ведущих гоголеведов В.А. Воропаева, И.А. Виноградова, В.Ш. Кривоноса, А.И. Иваницкого. Важное значение для понимания теоретической полемики вокруг карнавала и смеховой культуры имели труды В.Я. Проппа, Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, С.С. Аверинцева, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, И.А. Есаулова, Н.Н. Ростовской. Благодаря привлечению широкого круга исследований представляется возможным проследить сложную эволюцию феномена карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя и выявить специфику трансформации карнавального начала в его произведениях. Комплексный подход к обозначенной проблеме формируется на основе историко-литературного, сравнительно-типологического, биографического, структурно-семиотического научных методов, а также метода целостного анализа художественного произведения.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении и развитии бахтинской концепции карнавализации: предложенная модель динамической трансформации карнавального начала может быть применена к исследованию творчества других писателей XIX века, в чьих произведениях народная

³⁰ Радь Э.А. Сидорова И.А. Антикарнавал и антиповедение в повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» // Евразийский союз ученых. СПб., 2015. № 11–4(20). С. 33.

³¹ Стасенко О.П. Диалог творческих систем Н.В. Гоголя и Питера Брейгеля Старшего в контексте карнавальной культуры: личность и карнавал // Stephanos. М., 2022. № 5(55). С. 70–77.

смеховая культура вступает во взаимодействие с индивидуально-авторской поэтикой.

Практическая значимость исследования определяется возможностью обращения к материалам диссертации при подготовке курсов, посвященных творчеству Н.В. Гоголя, истории русской литературы XIX века и проблемам современного гоголеведения, а также при анализе произведений писателя в контексте народной смеховой культуры.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования обуславливается привлечением широкого круга исследований – от классических трудов М.М. Бахтина по теории карнавала до современных работ ведущих отечественных и зарубежных литературоведов, системным подходом к анализу значимого числа текстов Н.В. Гоголя, использованием актуальных и адекватных предмету методов исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Центральным дискуссионным вопросом в изучении феномена карнавализации в творчестве Гоголя является проблема преемственности карнавальной традиции: в какой степени и каким образом писатель наследует карнавальную традицию. Карнавализация у Гоголя представляет собой не прямое воплощение бахтинской концепции народно-смеховой культуры, а сложную индивидуально-авторскую трансформацию карнавальных элементов.

2. Раннее творчество Гоголя (в частности, циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород») характеризуется органическим воплощением карнавальной народной культуры. Нечистая сила выступает структурообразующим элементом карнавального мира, обеспечивая нарушение установленного порядка. Телесность и мотив пищи функционируют как проявления материально-телесного низа, утверждая витальную силу народного карнавального мироощущения. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» многоуровневая система карнавализованных рассказчиков создает специфическую повествовательную структуру, основанную на амбивалентности, диалогичности и фамильярно-площадной речевой стихии.

3. Уже в раннем творчестве Гоголя обнаруживаются элементы уязвимости карнавала: временный характер карнавального освобождения, амбивалентная связь со сверхъестественными силами (в «Сорочинской ярмарке», «Вечере накануне Ивана Купала», «Старосветских помещиках» страх разрушает радость), пробуждение индивидуального сознания (в «Ночи перед Рождеством», «Вечере накануне Ивана Купала» и др. показан конфликт между личностью и коллективом) приводят к деградации карнавала до пустой внешней формы, лишенной духовного наполнения. Доминирование индивидуального начала разрушает всенародность и единство традиционного карнавала.

4. В позднем творчестве Гоголя (особенно в петербургских повестях, «Ревизоре», «Женитьбе» и «Мертвых душах») карнавальное начало претерпевает качественную трансформацию, утрачивая жизнеутверждающий и обновляющий характер. Ключевой характеристикой карнавального пространства в произведениях Гоголя выступает не реализованное веселье, а

возможность всеобщего участия и временного снятия социальных границ. Карнавальный гротеск трансформируется в средство художественного осмысления одиночества и духовной деградации личности. Смерть парадоксально превращается в единственный способ освобождения личности от абсурдности и невыносимости социального существования.

5. Использование карнавального начала в петербургских повестях, «Ревизоре» и «Мертвых душах» выступает как многоуровневый художественный механизм социальной критики и выявления трагизма существования человека. Обращение Гоголя к карнавальной традиции представляет собой не только продолжение народной смеховой культуры, но и ее критическое переосмысление и художественное исследование невозможности карнавального обновления в условиях действительности.

Апробация работы. Положения и выводы исследования были апробированы на четырех научных конференциях:

1) VIII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Гоголь и Пушкин сегодня» (СПб, Россия, 19 октября 2023);

2) Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2024» (Москва, Россия, 12 апреля 2024);

3) Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2025» (Москва, Россия, 15 апреля 2025);

4) II Международная научно-практическая конференция «Русская классическая и неклассическая литература: текст, контекст, рецепция» (Ярославль, Россия, 4 декабря 2025).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Общий объем диссертации составляет 188 страниц. Библиография включает в себя 253 наименования (включая исследования на европейских и китайских языках).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются предмет, цели и задачи исследования, обосновывается актуальность темы, показаны степень ее изученности и научная новизна, сформулированы выносимые на защиту основные положения, названы теоретико-методологические подходы, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости диссертации и ее структуре.

Первая глава – «Теоретические основы изучения феномена карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя» – носит теоретический характер. В первом параграфе **«Концепция карнавала М.М. Бахтина: основные положения и категории»** рассматриваются теоретико-методологические основы исследования карнавализации как литературоведческого феномена. Ставится проблема историко-культурной эволюции карнавала, прослеживаемой от древнегреческих дионисийских обрядов и римских сатурналий до средневековых христианских празднеств. Анализируются различные научные подходы к интерпретации карнавального феномена: от платоновской утопической концепции до аристотелевской мысли о том, что карнавалы способствуют социальной стабильности, а также романтическая трактовка И.В. Гете, акцентирующего народный характер карнавала как праздника. Особое значение придается анализу ницшеанской дихотомии «дионисийского» и «аполлонического» начал, оказавшей существенное влияние на формирование бахтинской теории карнавального мироощущения. Демонстрируется, как в средневековой Европе карнавальные празднества занимали важное место в жизни широких масс и формировали две модели существования средневекового человека, что создавало предпосылки для проникновения карнавальных элементов в литературное творчество. Кроме того, рассматриваются ключевые аспекты теории карнавала, предложенной М.М. Бахтиным.

Во **втором параграфе «Рецепция теории карнавала М.М. Бахтина»** анализируется сложная и многоаспектная история восприятия и осмысления карнавальной концепции в отечественной и зарубежной науке. Отмечается, что Бахтин не был первооткрывателем в изучении карнавальной культуры, поскольку в то же время или ранее этой темой занимались такие исследователи, как В.Я. Пропп, Л. Пинский и Вс. Миллер. Однако именно в трудах Бахтина концепция карнавала получила наиболее системное и всестороннее изложение. С начала 1970-х годов литературоведческая терминология обогащается с учетом тезауруса Бахтина. Новый этап в ее осмыслении был ознаменован публикацией анкеты в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп»³² в 1996 году,

³² Анкета «ДКХ». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nevmenandr.net/dkx/?y=1996&n=4>. (дата обращения: 09.01.2024).

которая вызвала широкую международную дискуссию о значении концепции карнавала в культуре XX века.

Выделяются разные подходы в интерпретациях. С одной стороны, анализируется тенденция к политизированному прочтению концепции карнавала, особенно в постсоветский период. Западные исследователи изначально склонялись к подчеркиванию ее политического характера, а позднее и российские ученые стали рассматривать ее как завуалированную критику советской действительности 1930-х годов. В рамках этого подхода карнавальные образы ассоциировались с советскими массовыми шествиями, а сама теория – с символическим сопротивлением тоталитарному режиму (Б. Гройс, М.К. Рыклин). С другой стороны, приводятся и альтернативные точки зрения, указывающие на более ранние философские истоки теории, например, в работах Ф. Ранга, что оспаривает сведение концепции карнавала исключительно к политическому контексту.

Большое внимание в нашей работе уделяется научной критике самой концепции карнавала. Так, В.М. Живов утверждал, что она «не имеет никакого отношения к народной духовной культуре <...> а принадлежит к интеллектуальному (рефлексивному) гуманистическому компоненту»³³. С.П. Гурин³⁴ критиковал необоснованное расширение понятия «карнавал» и игнорирование его сакральных, религиозных аспектов.

В теоретических спорах о карнавале немалое внимание уделяется его связи с религией. Нами рассмотрена резкая критика бахтинской теории карнавального смеха со стороны академика С.С. Аверинцева, который отмечал потенциальное насилие, заключенное в смехе³⁵. А.А. Илюшин³⁶ указывал на невозможность игнорирования отношения между религией и карнавалом. Споры о религиозном измерении творчества самого Бахтина оказались особенно острыми: Т.А. Кошемчук³⁷ и А.Е. Кунильский³⁸ усматривают в его

³³ Живов В.М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // Разыскания в области истории и предисории русской культуры. М.: Языки славянских культур. 2002. С. 314.

³⁴ Гурин С.П. Концепция карнавала М. Бахтина и теория архаического праздника В. Топорова // Труды Саратовской православной духовной семинарии. Саратов, 2017. № 11. С. 364–378.

³⁵ Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука. 1992. С. 7–19. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: сб. в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 341–345.

³⁶ Илюшин А.А. По поводу «карнавальности» у Достоевского // М.М. Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. С. 85–91.

³⁷ Кошемчук Т.А. О Бахтине, карнализации, Рабле и Достоевском // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2015. № 2. С. 151–156; Кошемчук Т.А. Смеховая культура, карнавал, карнализация, Достоевский и особенности философствования Бахтина. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-literature.com/ru/research/sankt-peterburg/ta-koshemchuksmehovaya-kultura-karnaval-karnalizaciya-dostoevskiy-i-osobennostifilosofstvovaniya-bahtina> (дата обращения 24.03.2025).

³⁸ Кунильский А.Е. Смех Достоевского: прав ли Бахтин? // Знание. Понимание. Умение. М., 2007. № 4. С. 148–154.

работах отход от христианской традиции. Этим взглядам противопоставляется сложность позиции самого Бахтина, который осознавал конфликт, но не сводил его к простому антирелигиозному пафосу. В этом же контексте анализируется полемика вокруг феномена юродства: некоторые исследователи (А.М. Панченко, Д.С. Лихачев, Н.А. Паньков) относят его к смеховой культуре, другие (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Н.Н. Ростова, Н.П. Жилина) категорически оспаривают это, указывая на принципиальное различие этих явлений. Исследования Ю.В. Манна³⁹ и И.А. Есаулова⁴⁰ раскрывают сложную и противоречивую диалектическую связь между феноменом юродства и смеховой культурой. Оба ученых признают, что феномен юродства формально связан со смехом, но одновременно подчеркивают, что его духовная суть принципиально противоположна традиционной смеховой (особенно карнавальной) культуре. 2000-е годы ознаменовались углубленным изучением бахтинской концепции смехового слова (О.Е. Осовский, В.П. Киржаева, С.А. Дубровская, М.Ю. Асанина и др.).

В заключительной части параграфа подчеркивается, что ряд современных ученых (А.Л. Гринштейн, И.Ю. Роготнев) рассматривает карнавализацию у Бахтина прежде всего, как аналитический инструмент литературоведения. Прослеживается международное признание теории: в китайском научном пространстве концепция карнавализации стала продуктивным инструментом для анализа литературы, культуры.

В третьем параграфе «М.М. Бахтин о Н.В. Гоголе» прослеживается генезис и эволюция бахтинской концепции «Рабле – Гоголь» в контексте отечественного литературоведения XX–XXI веков. В ходе анализа выделяются ключевые этапы осмысления данной проблемы: формулирование Бахтиным в 1940-е годы новаторской идеи о связи смеха Гоголя с европейской карнавальной традицией и одновременно с самобытными народно-праздничными формами (в частности, с культурой малороссийской бурсы); период острой идеологической критики (конец 1940-х – 1950-е годы), когда данный подход был осужден как «формалистический» и «космополитический», что привело к временному исключению гоголевских глав из диссертации ученого; постепенная научная реабилитация и развитие концепции в 1960-х – 2000-х годах, начиная с дискуссий 1960-х годов (В.В. Кожинов, А.А. Елистратова), сопоставления с альтернативными подходами (Ю.М. Лотман) и заканчивая ее утверждением в качестве фундаментального методологического ресурса в современном литературоведении (И.Л. Попова, В.М. Мешков, С.А. Дубровская, Дж. Ларокка). Исследование истории формирования концепции позволяет не только реконструировать сложную историю рецепции идей Бахтина, но и продемонстрировать, как его методология, преодолев идеологические барьеры,

³⁹ Манн Ю.В. Карнавал и его окрестности // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. С. 442–467.

⁴⁰ Есаулов И.А. Юродство и шутовство в русской литературе // Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. С. 155–185.

стала важнейшим инструментом для анализа поэтики Гоголя в широком историко-культурном контексте.

В четвертом параграфе «Из истории изучения феномена карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя» осмысливается степень научной разработанности проблемы наследования Гоголем карнавальной традиции, истоки которой восходят к новаторскому исследованию М.М. Бахтина. В параграфе представлен системный анализ и обобщение сложившихся в гоголеведении научных подходов. Выделяются три основных направления. Первое направление представлено исследователями, изучающими карнавальную традицию через призму народной культуры, и подразделяется на два течения: фольклорное (В.А. Воропаев, А.Х. Гольденберг, А.А. Полякова и др.), связывающее карнавализацию с малороссийской народной культурой и системой народного календаря, и народно-театральное (И.А. Виноградов, С.О. Шведова, Е.Д. Федотова), усматривающее истоки гоголевского карнавала в традициях вертепа, балагана и опыте римского карнавала. Второе объединяет ученых (С.З. Иткулов, С.А. Дубровская, Л.А. Мальцев и др.), которые, опираясь на теорию Бахтина, исследуют различные проявления карнавального начала в произведениях писателя.

Третье направление формируют ученые (Ю.М. Лотман, Ю.В. Манн, О.П. Стасенко и др.), которые оспаривают прямое отнесение творчества Гоголя к карнавальной традиции и вводят альтернативные понятия, такие как «антикарнавал» (Е.А. Радь), «псевдокарнавал» (Б.А. Максимов) или даже рассматривают писателя как «врага карнавала» (М. Уокер). Вместе с тем обосновывается факт недостаточной изученности феномена карнавализации у Гоголя.

Вторая глава диссертации – «Карнавальное начало в раннем творчестве Н.В. Гоголя» исследует роль нечистой силы в создании системы переворачиваний, функцию карнавализованного рассказчика в организации повествовательного пространства, проявления уязвимости карнавального мироощущения и значение телесности и пищи как выражения материально-телесного низа.

В первом параграфе «Роль нечистой силы в формировании карнавального мира» показано, что нечистая сила в раннем творчестве Гоголя выступает не фольклорным украшением, а структурообразующим механизмом карнавальной системы. Демоны в мире Гоголя создают условия для переворачивания.

Анализ начинается с описания базовых характеристик гоголевского воплощения карнавала: праздничный хронотоп (ярмарка, вечерницы, свадьбы), где временно отменяются социальные различия и иерархия. Центральным принципом выступает «переворачивание», проявляющееся в пространственной инверсии (сцена с зеркалом Параски в «Сорочинской ярмарке»; переход через Псел, где все «ходило вверх ногами», и др.), в социальном опрокидывании (в «Майской ночи» молодежь ругает отца Левко, сельского голову; в «Ночи перед рождеством» крестьянин садится на голову дьяка и др.) и в пародийном

снижении. В произведениях также наблюдается гендерная инверсия, образы маскулинной Василисы Кашпоровны с «драгунскими усами» и феминизированного Шпоньки в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», образы властной мачехи Параски и слабого Черевика в «Сорочинской ярмарке». Профанация сакрального реализуется через систематическое нарушение героями церковных установлений, что создает карнавальное смешение высокого и низкого. В «Сорочинской ярмарке» попович нарушает Успенский пост; в «Ночи перед Рождеством» дьяк обращается к Богу ради непристойных помыслов, герои устраивают «попойку» в строгий Рождественский сочельник; в «Вечере накануне Ивана Купала» Пидорка предпочитает мирскую роскошь христианской скромности, а Петро посещает шинок вместо заутрени; в «Пропавшей грамоте» и «Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке» персонажи едят скоромную пищу во время поста; в «Вий», где носителю религиозной миссии – философу Хоме – отводят ночлег в овечьем хлеву.

Показано, что ключевую роль в формировании карнавального мира играет нечистая сила, поскольку она привносит хаос и нарушает установленный порядок. Согласно концепции А.И. Иванецкого, в русской народной традиции демонический мир представляет собой «зазеркальное» отражение нормативного порядка – мир «наоборот»⁴¹. Водная поверхность функционирует как граница между мирами («Майская ночь», «Вий») и как медиум трансформации. Таким образом, само присутствие нечистой силы создает пространство, где действуют законы карнавального переворачивания. Нечистая сила побуждает героев к нарушению религиозных заповедей, переворачивая традиционную иерархию ценностей. В «Сорочинской ярмарке» Грицько обращается к колдуну-цыгану, чтобы жениться на Параске, предпочитая магию христианской морали. В «Вечере накануне Ивана Купала» Петро заключает сделку с Басаврюком (дьяволом в человеческом обличье) и совершает убийство ребенка ради богатства. В «Ночи перед Рождеством» Вакула в священную ночь ищет помощи у черта вместо обращения к Богу. Демоническое вытесняет божественное из сознания героев, превращая нарушение заповедей в стратегию достижения целей. Карнавальная тема маски из внешнего атрибута праздника превращается в способ существования благодаря способности нечистой силы к метаморфозе. Демоническая трансформация становится архетипом всеобщего сокрытия подлинной сущности: черт предстает в виде свиньи в «Сорочинской ярмарке», Басаврюк принимает человеческий образ в «Вечере накануне Ивана Купала», Солоха оборачивается ведьмой в «Ночи перед Рождеством», дочь пана превращается в утопленницу в «Майской ночи». В этом карнавальном пространстве маска перестает быть внешним атрибутом и становится способом существования в мире, где подлинная идентичность принципиально неуловима. Кроме того, столкновение с нечистой силой провоцирует гендерную инверсию. В «Сорочинской ярмарке» при встрече с демоническим (красной свиткой и

⁴¹ *Иванецкий А.И.* К вопросу разграничения поэтики и мироощущения (на материале «Женитьбы» Н.В. Гоголя // *Имагология и компаративистика*. Томск, 2022. № 17. С. 202.

свиной рожей) мужчина из-за страха прячется под подол своей супруги. Фамильярно-площадная речь парадоксально обретает функцию защиты от нечистой силы, реализуя бахтинский принцип карнавального контакта как механизма противостояния демоническому.

Во втором параграфе второй главы «Карнавализованный рассказчик в “Вечерах на хуторе близ Диканьки”» исследуется роль рассказчика как ключевого элемента, создающего карнавальное пространство повестей. Рассказчики у Гоголя не просто излагают события, но активно организуют карнавальное действо. Посредством них осуществляется фундаментальная трансформация литературной коммуникации: разрушение иерархических границ между автором и читателем, письменной и устной традициями, элитарной и народной культурами.

Вместо анонимного рассказчика появляется живое лицо пасечника Рудого Панько, обладающего именем, социальной идентичностью и народным мироощущением. Важнейшей особенностью становится размывание границ между реальностью и фантазией. Рассказчики воспринимают фантастические истории не как вымыслы, а как неотъемлемую часть жизни. Анализируется многоуровневая система рассказчиков, создающая эффект коллективного свидетельства. Три главные фигуры – пасечник Рудый Панько, дьячок Фома Григорьевич и панич в гороховом кафтане – представляют разные социальные слои, но в карнавальном контексте обретают равные права голоса. Множественность второстепенных повествователей (кум в «Сорочинской ярмарке», дедова тетка в «Вечере накануне Ивана Купала», старец-бандурист в «Страшной мести» и др.) усиливает эффект: благодаря подтверждениям из разных слоев, фантастические истории приобретают не логическую, а эмоциональную и культурную подлинность, становясь частью коллективной памяти. Принципиально важным становится особый тип взаимодействия с читателем, превращающий аудиторию из пассивного наблюдателя в активного участника. Анализируется динамика, заданная в предисловии: начиная с имитации голоса критика, пасечник постепенно сокращает психологическую дистанцию, превращая читателя из критика в союзника и члена карнавального сообщества. Речь Панька построена «в тоне подчеркнуто фамильярной болтовни с читателями»⁴², нарушая формальный этикет литературной коммуникации. Ключевым механизмом карнавализации становится стратегия речевых масок. В карнавальном контексте маска имеет двойное значение: она скрывает идентичность автора, позволяя выражать критические взгляды (например, обращение к Макару Назаровичу как «панич в гороховом кафтане»), и наделяет автора новой идентичностью народного рассказчика, позволяя ему участвовать в карнавале, а не быть внешним наблюдателем. Подчеркивается, что главной миссией рассказчика является создание смеха как средства

⁴² Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 4(2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 512.

построения сообщества. В карнавализованном контексте смех становится универсальным языком, способным стирать социальные различия.

В **третьем параграфе** второй главы «Уязвимость карнавала и ее проявления» исследуется фундаментальная уязвимость карнавальской культуры, которая коренится во внутренних противоречиях самого карнавала. Доказано, что временный характер карнавального освобождения делает его принципиально неустойчивым феноменом, подверженным разрушению под воздействием нечистой силы, пробуждения индивидуального сознания и проникновения властных отношений.

Первым источником уязвимости становится амбивалентная связь карнавала со сверхъестественными силами. Нечистая сила приводит мир в состояние беспорядка, но порождаемый ею страх способен мгновенно разрушить карнавальную радость. В «Сорочинской ярмарке» резкий переход от дневного веселья к ночному страху обнажает нестабильность карнавального пространства. Образ Басаврюка в «Вечере накануне Ивана Купала» воплощает эту уязвимость: крестьяне одновременно боятся его и не способны отвергнуть соблазны. Даже победа над нечистыми силами (Вакула в «Ночи перед Рождеством», дед в «Пропавшей грамоте») уже содержит семена разрушения: существование борьбы доказывает фундаментальную неустойчивость карнавала.

Вторым источником уязвимости становится пробуждение индивидуального сознания, создающее напряжение между индивидом и коллективом. В «Ночи перед Рождеством» Вакула активно отчуждается от карнавала, что демонстрирует бессмысленность карнавальных сцен для пробудившегося индивидуального сознания. В «Майской ночи» даже кровные связи становятся хрупкими под давлением индивидуальных интересов. Стратегии противодействия карнавального пространства вызовам индивидуализма лишь обнажают его уязвимость. Механизм исключения (в «Сорочинской ярмарке» сожительницу Солопия «с хохотом отталкивала толпа») показывает неспособность карнавала учитывать реальные чувства индивида. Эпизод с теткой на свадьбе в «Вечере накануне Ивана Купала» обнажает нравственный изъян: необходимость попираť индивидуальное достоинство ради коллективной радости. В «Майской ночи» принудительное вовлечение («дать приказ, чтобы с каждой хаты принесли хоть по цыпленку») свидетельствует о деградации карнавала. Подлинный карнавал должен быть спонтанным коллективным опытом, но здесь он утрачивает освободительную природу, вырождаясь в бессодержательную церемонию. Танец в произведениях Гоголя, символизирующий коллективное единство, часто терпит крах. В «Заколдованном месте» дед тщетно пытается увлечь гостей танцем, но его ноги не подчиняются. В «Вии» Хома танцует в полном одиночестве. В финале «Сорочинской ярмарки» танцующие старушки механически исполняют движения «без детской радости, без искры сочувствия», как безжизненные автоматы. Эти примеры демонстрируют распад коллективности и деградацию

карнавала до пустой внешней формы, лишенной внутреннего духовного наполнения.

В четвертом параграфе второй главы «Телесность и пища в карнавальном системе» особое внимание уделяется роли тела и пищи как ключевому карнавальному элементу в произведениях Гоголя. Пища как ключевой элемент карнавализованного телесного выражения обретает символическое значение и культурную функцию, далеко превосходящие физиологические потребности. В «Тарасе Бульбе» пиршество раскрывает широту казачьей души, демонстрируя социальные и ритуальные характеристики еды. В «Старосветских помещиках» систематическое переизбыток Товстогузов отражает предельно материализованный способ существования, воплощая как утверждение телесных удовольствий в карнавальной культуре, так и намек на опасность духовной скудости. Образ толстого Пацюка в «Ночи перед Рождеством» обладает карнавальной гротескностью – его тело сравнивается с «винокурной кадью». Алкоголь в произведениях Гоголя выступает трансформирующим агентом карнализации, связанным с дьявольскими силами и освобождающим от страха. В «Вечере накануне Ивана Купала» Петро в питейном заведении поддается соблазну Басаврюка – «дьявола в человеческом образе». В «Сорочинской ярмарке» баклажка делает гостей веселее, снимая поведенческие запреты: робкий церковный писарь под воздействием алкоголя осмеливается вызывать сатану, а в финале танцующие старухи движутся механически, поскольку «один хмель только заставляет делать что-то подобное человеческому». В «Майской ночи» Каленик после выпивки проклинает сельского голову. Алкоголь высвобождает скрытую смелость и дух сопротивления, создавая временное состояние освобождения. Пища в произведениях Гоголя функционирует как медиатор между телом, жизнью и смертью, создавая карнавальный комический эффект. В «Сорочинской ярмарке» вареник, остановившийся в горле поповича, сводит тему смерти к уровню плоти, а сопоставление повешенного человека с колбасой, висящей перед Рождеством, лишает смерть трагичности. В «Ночи перед Рождеством» черт поджаривает грешников «с таким удовольствием, с каким баба жарит на Рождество колбасу». В «Старосветских помещиках» после смерти жены еда воспринимается Афанасием Ивановичем как знак от умершей, каждое блюдо становится напоминанием о потере любимой.

Принципиально важным становится гротескное слияние тела с природой и пищей. Лицо героя в «Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке» представлено как универсальная совокупность пищевых образов («можно было прочесть, как нужно делать грушевый квас, как велики те дыни, как жирны те гуси»). В «Пропавшей грамоте» нос персонажа уподобляется снегирю. В «Вии» профессора, объевшиеся арбузами и дынями, превращаются в звучащие пищеварительные аппараты. Олицетворение природных явлений («задумчивый вечер мечтательно обнял синее небо», «цветы начали разговаривать голосом тоненьким») и анимализация тела («волосы ее, черные, как крылья ворона», «черные косы, как длинные змеи») растворяют границы между телом и

природой. В карнавальном мировоззрении человек представляет не противника природы, а ее органическую составную часть, где животность воплощает первозданную жизненную силу и природную подлинность.

Третья глава – «Трансформация карнавального начала в позднем творчестве Н.В. Гоголя» – посвящена анализу трансформации карнавального начала в позднем творчестве писателя. В ней рассматривается, как карнавальная образность приобретает социально-критическую направленность, сохраняя при этом свою разрушительно-обновляющую силу.

В первом параграфе **«Роль карнавального начала в изображении социальной действительности»** исследуется, как карнавальная инверсия становится у Гоголя художественным инструментом изображения пороков России: фальшивости социальных иерархий, коррумпированности бюрократии, духовного оскудения.

Исследование выявляет три основных направления использования карнавальной инверсии для изображения социальной действительности. Первое направление – создание карнавального пространства, которое характеризуется не реализованным весельем, а потенциальной возможностью всеобщего участия и временного снятия социальных границ. Принципиально важно, что у Гоголя карнавальное пространство обнажает абсурдность и лживость официальной жизни именно через контраст между возможностью освобождения и ее трагической нереализованностью. «Невский проспект» изображается как пространство, предоставляющее возможность встреч и социального смешения, но оборачивающееся тотальным обманом. В «Носе» слухи о происшествии циркулируют через все сословия, создавая иллюзию всеобщей вовлеченности, где люди объединены не подлинным чувством, а жадой сплетен. Во второй части «Портрета» аукционный зал, собирающий все сословия без различия, создает возможность равноправного участия, но демонстрирует лишь превращение искусства в товар и торжество материальных ценностей над духовными. В «Мертвых душах» приезд Чичикова пробуждает сонный город и создает иллюзию всеобщего участия, однако карнавальное пространство оборачивается своей зловещей стороной: то, что для обывателей становится источником развлечения, для чиновников превращается в смертельную угрозу, кульминацией которой оказывается внезапная смерть прокурора. «Коляска» вскрывает пустоту провинциального существования, где застолья структурируют всю социальную жизнь, но не приносят подлинной радости. «Ревизор» разрушает театральную рамку («Чему смеетесь? Над собою смеетесь!»), создавая возможность всеобщего веселья, однако превращая зрителей не в освобожденных участников, а в соучастников изображаемых пороков.

Второе направление – действо увенчания-развенчания как средство разоблачения фальшивости социальных притязаний и абсурдности чиновничьей иерархии. В «Носе» отделившийся орган обретает чин выше хозяина, однако вмешательство полиции осуществляет его развенчание. В «Портрете» обретение червонцев возводит нищего Чарткова в светскую

знаменитость, однако встреча с подлинным шедевром срывает маску купленной славы. В «Мертвых душах» покупка мертвых душ превращает Чичикова в миллионщика и возводит его на вершину социального успеха (триумф на балу), однако развенчание реализуется не как одномоментный акт, а как серия накапливающихся угроз (недовольство дам, обличение Ноздревым, приезд Коробочки), постепенно разрушающих социальную маску героя. В «Ревизоре» ошибочное увенчание Хлестакова подрывается множественными оговорками и промахами героя (увлечение картами, литературное самозванство, символическое физическое падение); двойное развенчание через чтение письма и приезд настоящего ревизора обнажает готовность чиновников пресмыкаться перед мнимой властью. В «Записках сумасшедшего» королевские фантазии Поприщина развенчиваются побоями, которые герой интерпретирует как «рыцарский обычай при вступлении в высокое звание», что связывает ритуальное насилие с карнавалом. В «Шинели» новая шинель становится символом увенчания маленького человека, дарящим временное признание, однако ее потеря и выговор значительного лица уничтожают достоинство героя; появление призрака, срывающего шинель с чиновника, символически развенчивает власть.

Третье направление – профанация высоких понятий как средство изображения духовного оскудения общества. В «Ревизоре» смешение религиозной символики с бытовыми мелочами (записка городничего: «уповая на милосердие Божие, за два соленые огурца... рубль двадцать пять копеек»; торг с Богом о свече «по три пуда воску») изображает утрату подлинной веры и торжество утилитарного отношения к священному. В «Носе» снижение евхаристической символики, превращение церкви в место светских демонстраций изображают профанацию религиозной жизни столицы. «Женитьба» через редакторскую правку (с «супружеского долга» до «супружеского дела») и бюрократизацию сватовства (представление через чин, требование аттестата) изображает деградацию института брака, превратившегося в коммерческую сделку. «Портрет» изображает профанацию искусства, превратившегося из духовного творчества в механическое производство картин ради заработка. Профанация имен (в «Шинели» Акакий – созвучие с телесным низом; великие Шиллер и Гофман как пьяные ремесленники в «Невском проспекте») изображает снижение всех культурных ценностей в современном обществе.

Второй параграф «Персонажи и символы как носители карнавального начала» посвящен анализу переключек между гоголевскими персонажами и традиционными карнавальными типами народно-праздничной культуры.

Особое внимание уделяется фигуре безумца, воплощающей парадоксальное единство мудрости и глупости. Хронологический хаос создает карнавальное пространство размывания границ между разумом и безумием, при этом Поприщин в «Записках сумасшедшего» не теряет остроты социального восприятия, его безумие продуктивно деконструирует официальный дискурс через языковой карнавал. Принципиально иную природу демонстрирует

Чартков в «Портрете»: его безумие деструктивно и лишено карнавального прозрения, он погружается в молчание, утрачивая способность к речи. Хлестаков в «Ревизоре», согласно бахтинской концепции плута как лицедея, лишен устойчивой сущности и инстинктивно играет роль ревизора. Аналогичную функцию выполняет Чичиков в «Мертвых душах», представляющий собой пустую маску, которая наполняется различным содержанием в зависимости от ситуации: он не маскируется, а действительно становится другим человеком перед каждым помещиком. Существенную роль играют шутовские пары, воспроизводящие традиционную карнавальную структуру двойников. Бобчинский и Добчинский в «Ревизоре», занимающие «положение городских сплетников и шутов»⁴³, выступают непосредственными катализаторами комедийного действия; Жевакин и Онучкин в «Женитьбе» функционируют как герои-двойники. Парадоксальную роль в карнавальной системе играет император Николай I: его одобрение «Ревизора» вопреки противодействию окружения интерпретируется через карнавал как «предохранительный клапан» – власть предоставляет регламентированное пространство для временного нарушения порядка и выхода социального недовольства, укрепляя тем самым социальный контроль.

Символическая система обнаруживает переключки с карнавальными концепциями. Символы воплощают «логику непрерывных перемещений верха и низа»⁴⁴. Колесо в «Мертвых душах» материализует вечное циклическое движение, воплощая бахтинскую концепцию переворачивания положений: Чичиков представлен как «не лицо, а какое-то полнотелое колесо»⁴⁵, находящийся в постоянном движении; фамилия Подколесин в «Женитьбе» обогащает этот образ. Лестница в «Невском проспекте» функционирует как портал между возвышенным миром иллюзий (блестящие перила, ароматы) и низменной реальностью (грязная, темная).

В третьем параграфе **«Карнавальный гротеск в изображении отчуждения человека»** исследуется механизм карнавального гротеска в творчестве Гоголя как художественное средство изображения отчуждения личности. Гротескные трансформации разрушают представления о телесной целостности и человеческой идентичности, раскрывая трагическое подчинение индивида социальным и материальным силам.

Центральным механизмом гротеска становится трактовка частей тела как самостоятельных субъектов. Особое внимание уделяется образу носа, в «Невском проспекте» Шиллер воспринимает собственный нос как разорителя и стремится от него избавиться. В «Записках сумасшедшего» для Поприщина нос – символ человеческой жизни, поэтому он стремится спасти луну, где находятся

⁴³ Манн Ю.В. Комедия характеров с гротескным «отсветом» // Манн Ю.В. Комедия Гоголя «Ревизор». М.: Художественная литература, 1966. С. 79.

⁴⁴ Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 4(2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 20.

⁴⁵ Белый А. Мастерство Гоголя. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. С. 24.

все носы. В одноименной повести нос функционирует одновременно в нескольких измерениях: как фаллический символ (утрата мужского достоинства), как социальный маркер (потеря статуса) и как знак телесной целостности. Демонстрируется, как поведение Ковалева с женщинами кардинально меняется в зависимости от наличия носа: от активного преследования «всех хорошеньких дам» до панического бегства при встрече с ними. В «Портрете» процесс отчуждения художника Чарткова раскрывается через двоякую трансформацию: овеществление человека и очеловечивание вещи. Образ «живых глаз» ростовщика реализует ситуацию, где «вещественное изображение обретает духовную способность взирать, совершая переход от объекта к субъекту, тогда как живая личность редуцируется до зрительного органа, запечатленного на холсте». Описание Агафьей Тихоновной идеального мужа в «Женитьбе» («Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...») представляет собой пример радикальной телесной реорганизации, полностью разрушающей представление о человеке как цельной личности и устанавливающей прямую связь между чертами характера и конкретными частями тела.

Внешние атрибуты вытесняют человеческую сущность. На Невском проспекте люди представлены через внешние атрибуты (бакенбарды, шляпки, перстни), которые заменяют их человеческую сущность. В «Носе» Ковалев предпочитает назвать себя чином вместо фамилии. В «Портрете» клиенты Чарткова требуют не достоверного воспроизведения облика, а идеализированного образа, где реальный индивид разлагается на произвольно комбинируемые части тела и культурные символы. В «Шинели» одержимость Башмачкина шинелью, вытесняющая возможность духовного обновления, приводит к окончательному отчуждению персонажа. Параллельно процессу овеществления через внешние атрибуты развивается другая линия овеществления – слияние тела с пищей. В «Мертвых душах» создается устойчивая метафорическая система. Герой «свеж, как кровь с молоком», тараканы выглядят «как чернослив», тюфяк «как блин», глаза Манилова «сладкие, как сахар», лицо губернаторской дочки «как свеженькое яичко»; дядя Миняй напоминает «исполинский самовар». В «Носе» совет доктора положить нос «в банку со спиртом» и продать его за «порядочные деньги» демонстрирует карнавальное снижение человеческого достоинства и одновременно превращение части тела в товар, встроенный в систему рыночного обмена.

В четвертом параграфе «Тема смерти в карнавальной системе координат» исследуется художественное воплощение карнавальной концепции смерти в творчестве Н.В. Гоголя, основанной на бахтинском принципе: карнавальная смерть «всегда чревата новым рождением»⁴⁶. В параграфе

⁴⁶ Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 4(2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 275.

показывается, как смерть лишается трагической окончательности и включается в циклический процесс жизни.

Особое значение приобретает трактовка смерти как освобождения и обретения субъектности. В «Невском проспекте» смерть Пискарева интерпретируется как освобождение и переход к возможности нового существования. Детально анализируется эволюция смеха красавицы, становящегося фактором самоубийства Пискарева. Исследуется связь смерти с сексуальными образами: приют разврата как место разрушения идеалов, подавленное сексуальное желание Пискарева и его стремление к идеальной женщине приводят к его смерти. Однако смерть Пискарева – это не только наказание за мечтательность, но и избавление от трагической реальности. Рассматриваются конкретные детали смерти – «окровавленная бритва» и «судорожно раскинутые руки» как символы двойственности жизни и смерти, где повседневные инструменты ухода за собой становятся орудиями саморазрушения, что придает смерти карнавальнй характер, лишая ее трагической окончательности. В «Записках сумасшедшего» жизнь в сумасшедшем доме представляет собой смерть при жизни, физические истязания и душевные муки приводят к состоянию духовной смерти: рассудок угасает, личность распадается. Однако финальное восклицание Поприщина «Матушка, спаси твоего бедного сына» символизирует лишь возможность возвращения к органической жизни на грани духовной смерти. В «Шинели» смерть становится единственным способом обретения новой, деятельной сущности для героя, отчужденного от жизни.

Иной механизм карнавальной смерти реализуется через снятие индивидуальной трагичности и включение в коллективное бессмертие. В «Мертвых душах» смерть крепостных предстает веселой, «трагизм индивидуальной конечности снимается в общем карнавальном пафосе коллективного народного тела»⁴⁷, где индивидуальное умирание становится моментом коллективного бессмертия. Согласно М. Бахтину, «смерть индивида – только момент торжествующей жизни народа и человечества, момент – необходимый для обновления и совершенствования их»⁴⁸. Так, в «Портрете» смерть Чарткова трактуется как необходимое условие обновления и возрождения искусства.

Принцип смерти-рождения проявляется через снятие трагичности смерти и превращение ее в источник жизненной энергии. В «Ревизоре» Хлестаков видит смерть как инструмент любовных манипуляций, в «Мертвых душах» Чичиков использует угрозы-проклятия («да пропади они и околеи со всей вашей деревней!») для заключения коммерческой сделки. Смерть здесь не конец, но

⁴⁷ Шульц С.А. Жанровая традиция «диалогов мертвых» в поэме Гоголя «Мертвые души» // Гоголевский сборник. СПб., Самара, 2005. Вып. 2(4). С. 145.

⁴⁸ Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 4(2): «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 365.

средство достижения жизненных целей, парадоксальным образом становясь источником жизненной энергии. Показательно, что в процессе купли-продажи мертвых душ граница между жизнью и смертью окончательно размывается: покойники расхваливаются Собакевичем как живые работники и превращаются в предмет торга, тогда как живые беглые души приравняются Чичиковым к мертвым в силу их экономической бесполезности. Более того, А.Х. Гольденберг полагает, что сцена купли-продажи мертвых душ представляет собой пародийную игру в похороны, которая в традиционной культуре обладает функцией стимулирования жизненного воспроизводства⁴⁹.

Наконец, принцип смерти-рождения реализуется на уровне самого творческого процесса. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь трактует сожжение второго тома «Мертвых душ» как метафору возрождения «подобно фениксу из костра»: «Нужно прежде умереть, чтобы воскреснуть <...> Как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержание вдруг воскресло в очищенном и светлом виде». Физическое уничтожение текста – не конец, а необходимое условие для духовного очищения и возрождения содержания в более совершенной форме.

В Заключении подведены основные итоги исследования. Главные результаты заключаются в определении особенностей карнавального начала в творчестве Н.В. Гоголя. Проведенный анализ установил системную взаимосвязь ключевых механизмов карнавализации и позволил проследить их эволюцию, благодаря чему уточнены представления о национальном и индивидуально-творческом своеобразии гоголевской поэтики, раскрыто значение карнавализации как важнейшего принципа художественного мира писателя. Исследование позволило выявить динамику развития карнавального начала в творчестве Гоголя: от органического взаимодействия с фольклорной традицией в ранних произведениях к критической направленности позднего периода. Параллельно трансформировалось и отношение писателя к герою: если в ранних текстах он конфликтует с коллективной природой карнавала, то в позднем творчестве карнавальный гротеск становится инструментом изучения механизмов отчуждения. Переход от коллективного к индивидуальному сознанию приводит героя к трагическому исходу, манифестируя кризис традиционной культуры. Таким образом, карнавализация в гоголевском творчестве выступает как художественный механизм социальной критики, разоблачающий коррупцию и духовное мещанство, и одновременно как инструмент философского исследования экзистенциального трагизма и личностной деградации, что определяет творческую позицию Гоголя как глубоко гуманистическую и трагическую.

⁴⁹ Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 22.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. *Фан Сяожань*. Особенности проявления карнавального начала в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // *Litera*. 2024. № 6. С. 108–117. Импакт-фактор 0,203 (РИНЦ). Объем 0,730 п.л. EDN: GXCZKY.

2. *Фан Сяожань*. Рецепция теории карнавала М.М. Бахтина в трудах китайских ученых // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия «Гуманитарные науки». 2025. № 3. С. 233–239. Импакт-фактор 0,121 (РИНЦ). Объем 0,820 п.л. EDN: IWGEVB.

3. *Фан Сяожань*. К вопросу о карнавальном начале в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Филология. Журналистика. 2025. № 1. С. 74–78. Импакт-фактор 0,195 (РИНЦ). Объем 0,596 п.л. EDN: MLBPRH.

4. *Фан Сяожань*. Анализ поэтики карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя: на примере повести «Нос» // *Мир науки, культуры, образования*. 2025. № 3(112). С. 477–480. Импакт-фактор 0,388 (РИНЦ). Объем 0,736 п.л. EDN: HQONMK.